

НОВЫЙ зритель, самый демократичный и самый любознательный в истории болгарского театра, проявляет исключительный интерес ко всему лучшему, что создано в мировом искусстве. В театрах республики идут пьесы Шекспира и Лопе де Вега, оперы Верди и Бизе, пьесы драматургов социалистических стран и прогрессивных писателей Запада. За сравнительно короткий срок пребывания в стране нам удалось посмотреть «Аиду» Верди в Софийской народной опере и «Антигону» Софокла в Театре имени К. Сарафова; в Пловдиве — оперу Д'Альбера «Долина» и инсценировку романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы» и ряд других постановок.

III

ВОПЛОЩАЯ на сцене то или иное классическое произведение, театры республики, оставаясь верными принципу историзма, стремятся взглянуть на него «свежими и нынешними глазами», полнее раскрыть его идейное содержание, гуманистическую направленность и народность.

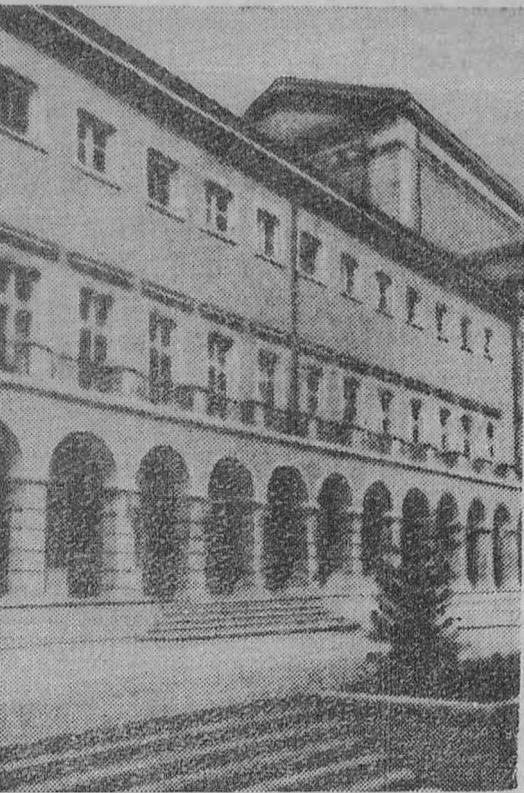
Что привлекло Пловдивский народный театр в романе В. Гюго «Собор Парижской богородицы»? Несомненно — горячее сочувствие великого художника к «униженным и оскорбленным», его преклонение перед духовной красотой и величием народа и гражданская ненависть ко всему, что душист и ломает эту красоту. Режиссер Лилияна Пенчева выявляет и подчеркивает в спектакле именно эти черты, составляющие пафос романа.

Постановка Пловдивского театра страстно утверждает ту непреходящую истину, что только в сердце народа вечно бьют родники таких возвышенных чувств, как бескорыстная любовь и дружба, преданность и самоотверженность, мужество и отвага, готовность пойти на любой подвиг во имя счастья другого.

Смысл тех странных, на первый взгляд, но потрясающих по своему трагизму отношений, которые складываются между Эсмеральдой (актриса М. Тихинова) и Квазимодо (актер Ат. Атанасов), как раз и состоит в том, что через них мы видим рождение и развитие этих качеств даже в душе такого получеловека-полузверя, каким предстает перед нами в первых картинах несчастный Квазимодо. Изображение духовного возрождения, очеловечивания этого замордованного церковниками существа — одна из сильнейших сторон спектакля.

Утверждая духовную красоту и величие простых людей, Лилияна Пенчева показала высокое мастерство в построении массовых сцен. Конечно, народ, действующий в спектакле, — это еще не тот народ, который ныне в одних странах уже стал, а в других становится вершителем и своей судьбы, и су-

Окончание. Начало см. в № 150 от 18 декабря с. г.

Здание Народного театра в Пловдиве.

В НАРОДНЫХ ТЕАТРАХ БОЛГАРИИ

компанемент гуслей подводит комический «итог» событиям в сыгранном акте и с лукавой усмешкой, где намеком, где поговоркой предрекает те злключения, которые ожидают старосту, попа и их компаньонов в новом акте. Образ Певца, необычайно сочный и колоритный, цементирует воедино все действие, его устами выносятся сатирическая оценка персонажам и их поступкам и он же придает всему спектаклю характер старинного народного представления. Певец из «Вражалеца» — это не то, что резонер Лерган из «Тревожной ночи». Голос Певца — это голос народа над прошлым во имя настоящего и будущего болгарского народа.

* * *

ЗНАКОМСТВО с театральной жизнью республики приводит к глубокому убеждению, что понятие «театральной провинции» здесь навсегда уходит в прошлое. Разумеется, искусство актеров и режиссеров тех театров, о которых шла речь в этих заметках, еще уступает искусству прославленных столичных мастеров. Но здесь следует считать и с молодостью народных театров, и с теми трудностями, которые так знакомы местным творческим коллективам.

Нам представилась возможность встретиться с режиссерами, актерами, художниками Димитровградского и Ямболского театров и в дружеской беседе затронуть ряд волнующих вопросов развития современного искусства. Что мы вынесли из этой беседы? Еще более глубокую уверенность в славном будущем болгарского театра.

Высокая идейность и принципиальность, большая внутренняя культура, огромный интерес к передовому искусству современности, в особенности к советскому, полное неприятие модернизма и последовательность в отстаивании принципов социалистического реализма — вот характерные черты духовного облика наших болгарских друзей.

П. СТРОКОВ.

ПЛОВДИВ — СТАРА ЗАГОРА — МОСКВА.

деб всего человечества. Это еще закованный Прометей, но он постоянно кипит, бурлит то здесь, на сцене, то где-то там, за окнами королевского дворца; то гневный и яростный от гнета и несправедливостей, парящих в королевстве Людовика XI, то по-весеннему радостный и ликующий от первых, пусть временных побед. В одной из кульминационных картин постановки предвестником грядущих побед за сценой гудит прибой народного восстания.

И какими же карликами выглядят на этом мощном народном фоне Людовик, его двор и иезуиты-церковники со своими ничтожными страстишками, лицемерием и ханжеством, коварством и деспотизмом! Театр призывает на суд эти тени прошлого, чтобы помочь зрителю до конца понять нынешних душителей свободы и вынести им свой суровый и справедливый приговор.

IV

НАРОДНЫЕ театры Болгарии охотно берут на вооружение все то, что помогает им в борьбе против современного буржуазного мира, разоблачает зоологический индивидуализм, античеловечность и пошлость буржуазии, сатирически развенчивает «рыцарей наживы».

Незаурядное мастерство в области сатирических жанров показал коллектив Стара-Загорского народного театра. Известная у нас по постановке Малого театра пьеса современного французского драматурга Соважона «Тревожная ночь» со сцены этого театра прозвучала как едкая сатира, обличающая нравы эксплуататорского общества, маразм и распад буржуазной семьи.

Чудовищно, но факт: дряхлый 83-летний миллиардер Сиприен Вареско находит бесславную кончину вследствие неудачного покушения на честь молодой секретарши. Оставшиеся после его смерти наследники, исключая юного Франка, готовы на все, лишь бы урвать кусок пожирнее.

И вот что парадоксально: самую убийственную характеристику всей этой своре дает именно покойный Вареско. Наиболее сильная сцена в спектакле — слушание завещания, записанного еще при жизни старика на грампластинку. Миллиардер, воскресший с ее помощью, от души потешается над своими чадами и домочадцами, обвиняя одного за другим в жадности, трусости, лживости, паразитизме, видимо, и не подозревая, что он сам создал их по образу и подобию своему. И после каждой такой характеристики — дьявольский, сокрушающий хохот старого развратника... Артист Стоян Милев, которого мы ни разу не видим, а только слышим в этой сцене, создает, быть может, самый оригинальный и запоминающийся образ в спектакле стара-загорцев.

Однако в постановке сказались и слабая сторона, отразившая ограниченность буржуазного писателя. Соважон всерьез пытается представить следователя Лергана в роли благородного мстителя, начисто разоряющего наследников Сиприе-

на. Но карающее «мне отмщение и аз воздам» совсем не приличествует этому жрецу Фемиды. Ведь Лерган наносит свои удары из чисто личных побуждений, из-за того, что старый миллиардер испортил ему карьеру судебного чиновника. Ведь это он, «благодетель закона», сам преступает законы, когда для достижения своей цели пытается замести (и замечает) следы убийства. Он бьет преступников оружием преступников. И потому не лерганам вершить правый суд над варесками, которые воплощают в себе худшие черты современных маг-

натов Франции, продавших страну нефашистам. Суд над ними — дело французского народа, которого, увы, не видит драматург.

Надо сказать, что коллектив Стара-Загорского театра сам почувствовал слабость соважоновской пьесы и играет обличительные картины сатирически остро, ярко, жизненно, а сцены, где Лерган (артист Петр Пенков) мечет свои бенгальские огни, — без воодушевления, с холодком, в замедленном темпе. И силу этой инерции не смог преодолеть даже такой талантливый режиссер, как Георгий Тодоров.

Зато как преобразился тот же коллектив, когда на другой день ставил комедию «Вражалец» — одно из лучших созданий болгарского драматурга Стефана Костова, умершего в самом начале второй мировой войны. Именно в национальной комедии с особой полнотой проявилось сатирическое дарование актеров и оригинальность режиссуры.

Здесь, как и в «Тревожной ночи», обличаются стяжательство, корыстолюбие, преклонение перед «желтым дьяволом». Но какой блеск, какая неистощимая выдумка в лепке характеров, в изображении тупости, невежества и самодурства бывших «хозяев»

дореволюционной болгарской деревни.

Мастерство исполнителей оказалось достойным мастерства маститого драматурга. Ограниченный, ленивый, жадный до наживы староста Данко Гарванов (артист Стоян Милев); внешне набожный, но на деле циничный, развратный и столь же алчный, сколь и трусливый, поп Стайко (артист Георгий Димитров); ловкий проходимец и жуир «вражалец» (т. е. колдун) Манчо (артист Никола Калоянчев); сельский писарь, пристава, стражник — каждый образ очерчен четко, рельефно, в традициях народной сатиры.

Если в «Тревожной ночи» еще чувствуется некоторый разрыв между устремлениями режиссера и актеров, то во «Вражалеце» достигнуто полное взаимопонимание между постановщиком и исполнителями. Режиссер Георгий Выжаров добился ансамблевости и завидного единства стиля. В спектакле нет дурной карикатуры и буффонады: каждый актер ищет свои средства раскрытия характера, вытекающие из внутреннего содержания данного персонажа, но находящиеся в русле единого замысла. Так, скажем, образ попа при всей его гротескности — это живой, реальный поп, тот самый, который так метко и остроумно осмеивается в фольклоре — в народных сказках и анекдотах.

Весь спектакль искрится таким неподдельным юмором, язык пьесы так меток и остроумен, что в зрительном зале постоянно царит веселый смех. Это оживление превосходно поддерживает артист Димитрий Жеков в любопытной роли Народного певца, который перед началом каждого действия под ак-

Лилияна Пенчева.

Георгий Выжаров.

Стоян Милев.